

"В маленькой запертой башне, которую никогда не посещал ни один студент Хогвартса, хранится древняя книга, к которой не прикасались человеческие руки с тех пор, как четыре основателя поместили ее туда по завершении строительства замка. Рядом с книгой, переплетённой в облупившуюся чёрную драконью кожу, стоит маленькая серебряная чернильница, из которой торчит длинное потускневшее перо. Это Перо Принятия и Книга Принятия, и только с их помощью происходит отбор учеников в Школу чародейства и волшебства Хогвартс.

Если кто-то и понимает, какая мощная и долговременная магия заставляет эту книгу и перо вести себя так, как они ведут, то он никогда не признается в этом, несомненно, потому, что это избавляет персонал от утомительных объяснений с родителями, которые в ярости от того, что их дети не были отобраны в Хогвартс. Решение "Книги и пера" считается окончательным, и еще ни один ребенок не был принят в школу, чье имя не было бы сначала записано на пожелтевших страницах книги.

В тот момент, когда ребенок впервые проявляет признаки волшебства, перо, которое, как считается, было взято у авгурия, вылетает из чернильницы и пытается вписать имя этого ребенка на страницы Книги. Известно, что перья авгурия отталкивают чернила, и чернильница оказывается пустой; никто так и не смог точно определить, что представляет собой серебристая жидкость, вытекающая из заколдованного пера.

Те немногие, кто наблюдал за этим процессом, сходятся во мнении, что перо может быть оценено более мягко, чем книга. Для пера достаточно простого запаха магии. Книга же часто захлопывается, отказываясь писать, пока не получит достаточно убедительных доказательств магических способностей.

В суровости Книги есть свой резон: она прекрасно зарекомендовала себя в деле недопущения сквибов в Хогвартс. Немагические дети, рождённые от ведьм и волшебников, иногда имеют небольшую остаточную магическую ауру, обусловленную их родителями, но как только магия их родителей исчезает, становится ясно, что они никогда не смогут творить заклинания. Чувствительность Пера в сочетании с непримиримостью Книги еще ни разу не привели к ошибке. - Р. Джоанна".

У Минервы МакГонагалл был совершенно замечательный день. Статья, которую она читала о процессе поступления, была очень подробной и хорошо проработанной, и, хотя и не совсем точной, в ней было много важных моментов.

Она рассеянно потягивала виски, глядя на то, как одно из её личных зачарованных перьев работает над стопкой пергамента, записывая последние письма студентам, принятым в этом году. Перо было магически связано с Книгой приёма и с помощью своей магии записывало на конверте их имена и адреса вплоть до мельчайших деталей. В течение долгого времени из-за этого пера ежегодно получали множество отказов магглорожденные, поскольку большинство из них находили странным и жутким то, как точно письма знают их местонахождение. Но перо не поддавалось никаким попыткам модификации. Оно было приверженцем своих собственных правил.

Поэтому МакГонагалл регулярно просматривала и стирала большинство личных данных, которые могло записать перо. Это не входило в её обязанности, но она делала это из чувства долга перед теми магглорождёнными волшебниками, которые заслуживали шанса использовать свои способности и иметь будущее в том месте, где им было место.

Вздохнув, она поставила скотч на стол перед собой. В последнее время она слишком много пила. Воспоминания о войне в её худшие времена приходили в это время года, когда конфликт был в самом разгаре все эти годы назад, и вместе с ними приходили мысли о её муже и друзьях из DMLE, отдавших свои жизни на войне, что приводило её к запоя, который Альбус Дамблдор часто должен был приходить и останавливать.

А ещё был Гарри Поттер.

Она говорила себе, что относиться к нему иначе, чем к любому другому студенту, было бы плохо и для него, и для неё самой. Но как она могла относиться к сыну Джеймса и Лили, как к любому другому студенту? Но она постарается, пообещала она себе. Она очень жалела, что позволила Дамблдору поместить его к этим маглам. Каждый год она ходила и проверяла его, и всегда находила, что он немного маловат для своего возраста, носит одежду в три раза больше своего размера и большую часть времени работает в саду.

Но задним числом было двадцать-двадцать. Кроме того, она ощущала кровные заслоны вокруг Суррея - чувствовала, как они оценивают её достоинства и намерения, прежде чем пропустить её. Гарри Поттер был неприкасаемым в этих палатах. В этом не было никаких сомнений. И если что-то и стоило её страданий и чувства вины, так это безопасность Гарри.

МакГонагалл подняла виски, чтобы сделать последний глоток.

Возможно, в другой реальности, где она была бы еще более пьяна, чем сейчас, она бы столкнула свой тумблер со стола на пол, разбив его вдребезги. Затем, ещё более раздражённая, чем прежде, она не стала бы просматривать последнюю партию писем, а махнула бы на них палочкой, заколдовала бы их и отправила в почтовую комнату, где профессора занимались бы непосредственно магглорождёнными, а остальные письма отправила бы совами.

Однако в этой реальности она сделала глоток, поставила стакан на место и подошла к стопке писем, чтобы просмотреть их. Вычеркнув номера спален из адресов двух магглорождённых, она, наконец, добралась до самого младшего ученика года.

Смятение, чувство вины и гнев бушевали в ней, когда она смотрела на письмо в своей руке.

<http://tl.rulate.ru/book/96580/3429143>